



А. И. СТРЕЛЯНЫЙ

Последний романтик

<Фрагмент>

«Это же политика...»

В марте 1953 года Никита Сергеевич Хрущев стал секретарем ЦК КПСС, а уже в сентябре выступил с таким планом подъема деревни, который сделал бы честь (во всяком случае, как первый шаг) любому деятелю того времени.

Готовился этот шаг в привычном аппаратном порядке: без особой огласки, самым узким кругом людей, выбор которых не был вопросом политики или какой-либо борьбы и мог показаться произвольным, — помощники Хрущева Шевченко и Шуйский, руководящие правдисты Шепилов и Поляков, академик ВАСХНИЛ (с 1948 года) Лаптев... По ходу дела они связывались с нужными учреждениями и организациями, запрашивали те или иные справки, выкладки и разработки. То и дело вызывался начальник ЦСУ Старовский — прибежал маленький, краснолицый, готовый по первому намеку сделать из нуля единицу.

— Владимир Никонович! — укоризненно говорил ему шепотливый Шевченко, новый человек в Москве. — Вы сегодня эту цифру уже четвертый раз исправляете.

— Но я же в лучшую сторону меняю! — Тучный Старовский наливался кровью.

— Мы не собираемся хвалиться нашими достижениями. Нам самим надо все точно знать.

— Понял вас! — Мелкими шажками первый статистик государства пятился к двери, чтобы на следующий день прибежать с новой, еще раз повышенной цифрой.

Работали в здании ЦК на Старой площади, на пятом, хрущевском этаже, где из-за сокращения штата секретарей ЦК сразу после смерти Сталина оказалось много бесхозных кабинетов. В них ничего не меняли, только отключили телефоны. Работали, не считаясь со временем. Шевченко рассказывает, как Буденный однажды явился к нему в шесть часов утра.

- Семен Михайлович, что вы так рано?
- Когда встал, тогда пошел.
- Меня могло не быть. Это хорошо, что я еще не уходил.
- Я знаю, что ты всегда здесь.

Маршал явился защищать свои конные заводы¹, на которые покушался Хрущев, говоря, что они сидят на шее у государства — не производят собственных кормов.

Прежде всего Хрущеву требовалось разобраться в сталинском наследии. Со времен коллективизации сельское хозяйство не оправдывало даже тех призрачных вложений, которые ему доставались. Машин к началу пятидесятых годов оно использовало больше, чем до второй мировой войны, а продукции давало меньше, чем до первой. Колхозники почти ничего не получали за свой труд, жили с приусадебных участков. Молоком и мясом с этих же участков кормилась и страна: сельский двор был обязан государству натуральной повинностью, взымали ее около миллиона заготовителей. Что оставалось, колхозник вез на базар: нужны были деньги на уплату податей и выкуп облигаций принудительного государственного займа. Для сбора податей содержался другой аппарат — финансовый. Служащих этого аппарата в моем селе называли *финагентами*.

Помимо заготовителей и *финагентов* деревня, ходившая, как и сто лет назад, в домотканом, должна была кормить своих начальников — председателя колхоза, его родственников и приближенных, его покровителей в районе и области, бригадиров, кладовщиков, объездчиков. Все самое хищное, растленное, ленивое, отсидевшееся по дальним и ближним тылам, а то и служившее немцам во время оккупации, оказалось на шее у мужика. Многие деревни попадали в настоящую кабалу к этим «проходимцам с партийными билетами», как писал Валентин Овечкин в «Районных буднях»² — книге, которую Хрущев знал и одобрял, ее читал ему по вечерам Шевченко.

Раз приусадебное сельское хозяйство служило после войны основным источником продуктов, оно, казалось бы, должно было быть в особой чести у государства. В действительности было иначе. Сук подрубался так безоглядно, как бывает только в тех случаях, когда что-то делается из высших соображений. Размеры участков строго ограничивались, колхозник не мог держать больше одной коровы, податью облагалось каждое плодородное дерево. «У тебя хороший сад», — сказал Хрущев сестре-колхознице, приехав после войны в родные места под Курском. «Осенью вырублю, — ответила она. — За яблони нечем платить».

С этим сельским хозяйством надо было что-то делать, с этими колхозами надо было что-то решать. Распустить? Такая мысль не была тогда необычной. С нею многие прошли войну, партизаны

выходили с нею из лесов — с надеждой, что колхозы вот-вот будут распущены. Я сам в детстве слышал у себя в селе от уцелевших фронтовиков, что Сталин обещал это союзникам за помощь в разгроме Гитлера. Эти слухи разносили по селам нищие и странники-инвалиды. Обличительные стихи о сталинских колхозах славали сельские блаженные — поэты. Одного такого я встречал уже в 1958 году в Северном Казахстане, он вез меня, корреспондента, на саях из райцентра Ерментау в совхоз «Тургайский» и всю дорогу выкрикивал на украинском языке сочиненные им в подражание «Кобзарю»³ вирши про страдания колхозного народа под властью дармоедов и держиморд, и первого из них — Сталина. Мысль о роспуске таких колхозов была настолько обычная, что нашла отражение в первом же честном послевоенном произведении русской литературы о деревне — в «Районных буднях» (1952) Валентина Овечкина. Один демобилизованный офицер, сказавший за столом слово в пользу раздачи земли мужикам, был вызван на дуэль другим, убежденным коллективистом. Хрущев, как и сам бывший коммунар Овечкин, сделал бы то же самое. Он думал не о том, как распустить доставшиеся ему от Сталина колхозы, а о том, как их укрепить.

Предложенные им меры были просты, всем понятны: больше платить колхозам и колхозникам, дать им хоть немного воли, снизить налоги. Слово о материальной заинтересованности было первым, которое произнес Хрущев, став у руля. Одно это слово потрясло страну; заколебались сталинские устои, ересь, гнездившаяся в тайниках умов, захватывала престол. Если стране нужен хлеб, то колхозникам надо платить. Вся премудрость, но в ней было начало новой жизни. Что власть не заинтересовывает и никогда не будет заинтересовывать, что власть только погоняет и отнимает и всегда будет только погонять и отнимать, до сих пор ведь само собой разумелось, для всех сверху донизу, для всего народа. Хрущев первый сказал то, что все знали, но о чем нельзя было даже думать: что люди в селе живут плохо, бедно, униженно, хуже и униженнее, чем в городе, замучены налогами и поборами, что в колхозах народ не хочет работать и жить, уклоняются и разбегаются несмотря на то, что им, лишенным паспортов, предписана оседлость. Он стал хлопотать о смягчении законов и порядков, о том, как облегчить жизнь людей. От него пошли не новые притеснения, а первые послабления, он обещал не кары, а милости. В глазах многих его доброжелателей всё затмил пятьдесят шестой год, когда он выступил с разоблачением Сталина. Некоторые думают и сейчас, что это первое и единственное, чем он отличился. Нет, первое, чем он отличился, — сказал правду о бедственном положении деревни и кинулся ее выручать.

Результаты новой, хрущевской политики в деревне сказались сразу. К пятидесяти шестому году сельское хозяйство набрало небывалую скорость. До Хрущева прибавки в урожаях измеряли килограммами, десяток кило в год считался успехом. При Хрущеве во многих местах счет пошел на центнеры. На Украине за одну зиму (1955/56) урои выросли в два раза по сравнению с предыдущей зимой, в стране — на 65 процентов. Такого роста не имели за все годы Советской власти, радовался Хрущев. За эти три года тысячи колхозов и совхозов в два раза, а многие в три раза увеличили производство молока и мяса. Хорошее начало, товарищи!

С мстительным чувством он вспоминал свои недавние сражения с такими людьми, как Молотов и Маленков. Сильные и опасные уже самими своими фамилиями, они и слышать не хотели о демократизации, в том числе и хозяйственной, считая, что ослабление нажима вызовет упадок дисциплины, а значит, и производства. Его планы им казались прожектерством. Он, например, намечал увеличить урои молока на 600 с лишним литров за шесть лет, они возражали. Это было перед январским, 1954 года, Пленумом ЦК, где он собирался выступать с докладом⁴. «У нас были споры... Меня некоторые люди предупреждали тогда по дружбе, как докладчика: "600 — это много, можно сесть в лужу. Лучше взять меньше. Сколько лет прошло, а прибавки по надою не имелись". Прибавка в 600 литров была достигнута не за шесть лет, а за три года. "Что же теперь сказать этим друзьям? Кто сел в лужу? Они ели в лужу"». Гордость его в те первые, лучшие его годы была бесхитростной, привлекательной. «Признаюсь, что питаю какую-то слабость к сельскому хозяйству, — говорил он в декабре 1956 года на митинге по случаю награждения Московской области орденом Ленина. — Сам я рабочий, а вот жизнь заставила... заниматься сельскохозяйственным производством. И горжусь тем, что это не прошло безрезультатно, что в ваши успехи вложена крупица и моего труда».

За первые пять лет его пребывания во главе страны заготовки мяса в общественном хозяйстве выросли на 162 процента, молока — на 205, зерна — на 189.

Ему показалось, что дальше будет еще лучше, что можно достичь большего. Для этого надо, прежде всего, повсеместно внедрить кукурузу. Еще в тридцать девятом году, вернувшись из своей первой поездки в Америку, о ней ему рассказывал Микоян: они много используют кукурузы, скот кормят и сами едят. Носят ее, как семечки, в карманах и шелкают, зерна распушены, называется — кукурузные хлопья. Через десять лет она спасла Украину, а вместе с нею и самого Хрущева, бывшего там первым секретарем ЦК, от катастрофы. Убедившись, что пшеница ничего

не даст (всё сгорело почти сразу после сева), он — по совету умных мужиков — налег на кукурузу. Занять ею велел ни много ни мало — два миллиона гектаров. Сажать обязал только квадратами, потом обработать их в двух направлениях культиваторами. Было забыто, отложено все. День и ночь в колхозных плотницких мастерских изготавливались ручные сажалки-хлопушки, бригадиры нахлестывали лошадей, носясь от хаты к хате и выгоняя все живое в поле. Урожай составил 40 центнеров с гектара, зерновой план был выполнен.

В постановление январского, 1959 года, Пленума ЦК⁵ был вписан пункт: считать распространение кукурузы важнейшей задачей партии. Тогда же Хрущев первый раз погрозил пальцем тем, кто в ответ на его гимны кукурузе аплодирует, а сеет ее мало, для отвода глаз, как бы говоря: «Отстань только от нас!» И начал упорно, методично — но быстро, быстро! — поднимать границу кукурузного пояса на север от старой линии Киев — Сумы — Харьков — Ростов. Сначала до Орла (как он был взбешен, когда в ответ на первый его призыв в Орловской области — в целой области с половиной миллиона гектаров пашни — кукурузой засеяли 200 гектаров!), а потом до Москвы и далее. «В этом году мы обязательно вырастим кукурузу в Якутии, а может быть, и на Чукотке. Картофель там растет? Растет. Думается, что и кукуруза будет расти». Когда кукурузный пояс захватил по его воле и зону белых ночей, Никита Сергеевич решил, что с кормовой базой теперь будет все в порядке, и обратил свой взор в сторону Америки.

Незадолго до этого из Америки вернулся Мацкевич, ездивший туда во главе делегации из 12 человек. В США они провели 40 дней, из них 12 — в штате Айова. Мацкевич вел подробный дневник, записывал каждый шаг: где были, что видели, с кем говорили. На основе этих записей он по возвращении в Москву сделал обстоятельный доклад Хрущеву, а на основе доклада — книгу⁶. Автобус, в котором сорок дней носились по Америке Мацкевич и одиннадцать его спутников, — это был котел, в котором варилось почти все, с чем потом выходил на люди Хрущев. Он их отбирал, напутствовал, получал от них справки и заключения. Кругозор, понятия и взгляды команды Мацкевича — это, в общем, кругозор, понятия и взгляды Хрущева.

Что же они видели в Америке? Как советский министр сельского хозяйства Мацкевич объяснял успехи американского сельского хозяйства?

На первое место он ставит «хорошие природно-климатические условия». На второе — то, что «на территории США почти 100 лет не было войны». На третье — то, что сельское население Америки составилось из «энергичных и предприимчивых людей из многих стран. Эти люди не боялись трудностей», они «обогатили Америку

лучшими достижениями своих стран». На четвертое — то, что «сельское хозяйство ряда районов США было свободно от пут крепостничества», замедлявших развитие других стран, в том числе и России.

«Таковы условия, так сказать, естественно-исторического порядка», — пишет он.

Однако особое внимание Мацкевич хочет привлечь к условиям другого порядка, к тем, которые зависят от людей. Это, во-первых, специализация и непрерывное укрупнение производства. Много выпускается машин, хорошо поставлено материально-техническое снабжение ферм; результаты, признаки, психология специализации поражали его на каждом шагу. 24 июля вечером фермер с женой поехали в город, где хозяйка покупала продукты, в том числе картофель и лук; это ей выгоднее, чем тратить труд на их выращивание. Что там картофель и лук! «Трудно разыскать фермера, который, имея 800–900 голов мясного скота, имел бы хоть одну или две молочные коровы. Он предпочитает даже для себя покупать два-три литра молока, чем затрачивать время на ручное доение одной коровы».

На второе место Мацкевич ставит рациональную систему агрономического обслуживания. Агротехнику разрабатывают не в Вашингтоне или Нью-Йорке под неусыпным наблюдением высшего политического руководства, а в глубинке — главным образом в колледжах и на опытных станциях. На третьем месте — широкая механизация. О решающем факторе — об «экономии труда» — он говорит в последнюю очередь (хоть слово «решающий» — его, Мацкевича) и тут же заверяет, что «перед лицом непреодолимых противоречий капиталистического хозяйства» он еще лучше осознал «огромное преимущество» социалистического. Короче, «то, на что американцам требовались десятилетия, мы можем пройти и пройдем за немногие годы».

Тогда часто встречались эти слова: «за немногие годы», «в короткий срок». Произносили их не только в порядке ритуального словоблудия. Короткие сроки закладывались в планы. Идеология и практика скачков была еще живой, действующей силой. Когда говорилось, что мы едем в Америку учиться, само собой разумелось: учиться, чтобы начать тягаться немедленно и на равных. И ни с кем, кроме Америки, ни с кем, кто меньше, слабее. Мы — и Америка, только так. Призыв в три года догнать Америку возник не в бреду и не на пустом месте. Хрущев с этим призывом был не выше и не ниже своего окружения. Одно мышление, одна психология. Какие бы чудеса ни видел ты на Западе — не унывать. Полная механизация? Ну что ж, «в нашем крупном социалистическом сельскохозяйственном производстве имеется возможность лучше использовать тракторы, комбайны и другие машины, чем

в США. Выработка на трактор в наших МТС и совхозах значительно выше, чем на американских фермах»...

К первому заявлению Хрущева насчет Америки: «Мы вступили в соревнование с самой богатой капиталистической страной мира... Нам надо крепко поработать... Мы должны...» — в стране отнеслись с привычным пониманием: он первое лицо, его дело воодушевлять народ, поднимать социализм и принижать капитализм, — прочитали и забыли.

Запад на слова человека, который только что развенчал Сталина, обратил чуть больше внимания. Они вызвали там легкое недоумение, в газетах промелькнуло что-то о «красном прожектёрстве», но тоже вряд ли кто подумал, что заявление Хрущева не пропаганда, что на глазах у мира начинается крупнейшая советская хозяйственно-политическая драма середины века.

Мимолетные насмешки Запада не остались незамеченными. Хрущев был задет. Он был очень чувствителен во всех случаях, когда, как ему казалось, проявляли неуважение к Советскому государству или к нему лично, и старался не давать поводов для насмешек. Ему было неприятно, что советские люди одеваются хуже, чем какие-нибудь французы, он часто об этом говорил в своих выступлениях, заверяя, что это временное явление. Его беспокоили наиболее уязвимые из наших порядков, за которые то и дело приходилось оправдываться. Диктуя — уже пенсионером — свои воспоминания, рассказывал, как боролся «в коллективе, с которым работал», за то, чтобы советские граждане могли свободно ездить за границу («Я считаю: это невероятно — после пятидесяти лет держать рай под замком»), был очень доволен, когда пошел навстречу пожелавшему остаться в Лондоне пианисту Ашкенази, женатому на англичанке («Я говорю: давайте так. Дать ему паспорт... И он может с этим паспортом, значит, всегда приехать в Советский Союз и выехать из Советского Союза тогда, когда он захочет»), гордился, что стал пускать за границу Плисецкую и Рихтера (о Рихтере перестраховщики каркали: мол, не вернется, у него мать в Западной Германии), особой своей заслугой считал то, что не побоялся послать в Англию сверхсекретного академика Курчатова. Задетый насмешками «капиталистов», он решил на всякий случай провериться — велел своим экономистам прикинуть, когда может быть достигнута объявленная им цель. Экономисты ответили: в 1975 году. Именно к тому времени СССР, двигаясь нынешними темпами, увеличит производство мяса в 3,2 раза и сравняется с американцами. Само собой при этом разумелось, что США будут стоять на месте.

На дворе был пятьдесят седьмой. Увидев, что отвертеться не удастся, что придется-таки ее сеять, обкомы-райкомы уже

год как взялись за дело по-настоящему. О ходе посевных работ докладывали, как о боевых действиях, о получении идеальных квадратов — как о взятии городов. Из Удмуртии приехал Воробьев, первый секретарь обкома, привез сноп кукурузы выше себя, собственноручно тащил его в кабинет под настороженно-недовольными взглядами охранников. Хрущев обласкал гостя, потом вызвал помощника — диктовать ему свежий пример в свою предстоящую речь. Большинство речей Хрущева — это, кстати, действительно его речи, он сам их предварительно наговаривал, а если не было времени составить цельный текст, выходил на трибуну с карточками-заготовками: тезис, пример, вывод. «Я стал его сдерживать, — вспоминает Шевченко. — Об Удмуртии, мол, говорить не следует. Он перебивает: вы там были? Я, говорю, там не был, но знаю, что собой представляет эта зона. Тепла недостаточно. Он сердится: вы там не были, а Воробьев в Удмуртии секретарь обкома, он мне образец привез». Делом, тоже с доставкой образцов в Москву, откликались Чита и Улан-Удэ, Архангельск и Вологда. Замечательную новость привез из командировки в Ивановскую область один ближайший соратник, сиял, сообщая: «Знаете, как уже зовут кукурузу в народе? Кукуруза Никитична!» Все это обещало горы кормов, и Хрущев решил бросить своим осторожным экономистам исторический вызов. Они говорят о семьдесят пятом годе — в ответ он произносит слова, от которых десятку понимающих людей в стране становится страшно: «В ближайшие годы».

Ни в коем случае не быть голословным! Он делает расчеты. До сих пор были такие-то темпы роста, темпы замечательные, такие, в которые не верили всякие Молотовы-Маленковы. Ускорить их можно таким-то увеличением производства кормов, среди которых ведущее место должно принадлежать кукурузе на зерно и силос. Огласив свои расчеты (производство мяса должно быть увеличено весьма, конечно, значительно, но не в десятки все же раз), он восклицает: «Можем ли мы взять этот барьер? По-моему, можем и возьмем его, да еще и дальше шагнем».

Еще и тут он мог остановиться, сказал — и ладно, и пусть люди работают. Но, человек дела, великую задачу он должен был немедленно ставить на практические рельсы. Не быть болтуном... «Думаю, что нам сейчас не стоит называть год, когда мы должны решить эту задачу. Пусть руководители республик, областей, колхозники, работники совхозов сами подсчитают...» И тут еще мог остановиться... «...и заявят через печать, когда они смогут решить данную задачу». Он начинал кампанию! «Нет сомнения, что это движение получит поддержку всего народа. Но нам надо уже сейчас немножко помочь людям раскататься, вызвать азарт».

В порядке помощи он п о д з а в о д и т своих слушателей — рассказывает о людях, которые «бумагу дали и печать приложили», что догнать американцев раньше семьдесят пятого года нечего и думать. Как только он назвал этот год, в зале грохнул смех. Зал — несколько сот лучших специалистов, съехавшихся на зональное совещание в Ленинград, цвет русского Северо-Запада — был вместе с ним уверен, что смеяться есть над чем. В два-три года провести коллективизацию, за какой-то десяток лет индустриализацию, а теперь два десятка лет догонять Америку по мясу?! Эти экономисты, наверно, просто безграмотные люди... Нет, «с точки зрения арифметики тут нет никакой ошибки, — возражал своим слушателям Хрущев, — все доказано». В этом смеющемся зале он был самым трезвым человеком, не будем этого забывать, чтобы лучше понять, на какой почве он вырос. «Но, товарищи, надо же понимать, какие сейчас силы накопились у нашего народа... Вы же видите, что многие колхозы буквально за два-три года увеличивают производство продуктов в несколько раз. В какие же арифметические расчеты можно все это уложить? Э т о ж е п о л и т и к а (разрядка моя. — А. С.), это же политическое явление... Сила колхозного строя, патриотизм советских людей, социалистическое соревнование позволяют нам решить эту задачу в ближайшие годы»⁷.

И в мыслях не имея взрывать Запад тем способом какого он, Запад, временами, похоже, всерьез боялся, Никита Сергеевич не скрывает своих упований на другой путь: «Если мы догоним США по уровню производства на душу населения мяса, масла и молока, то мы выпустим сильнейшую торпеду под капиталистические устои».

В зале, где еще не успел затихнуть смех по адресу пораженцев-экономистов, раздались аплодисменты.

Хрущев знает, к кому он обращается в первую очередь. Это секретари обкомов и райкомов. Они лучше всех видят ловушки, которые он расставляет для них. Во-первых, не выйдет отмолчаться. Во-вторых, учитывая урок этих несчастных экономистов, не приbedняться, обязываться на полную катушку, делу ведь придется политическое значение, на повестку дня ставится быстрая и окончательная победа над капитализмом. Не мелочиться!

Бурными аплодисментами в зале, ликованием по всей стране было встречено его сообщение, что он решил вскорости, с первого января пятьдесят восьмого года, отменить обязательные поставки продуктов с дворов колхозников и распустить почти миллионную армию дармоедов-заготовителей. Продуктов они собирают немного, объяснял он, в иных местах больше съедают, чем собирают, а возни с этой продукцией много и много конфуза опять же перед Западом, где смеются над бесплодным колхозным строем. «Этот клин мы выйдем

теперь из рук противников. Мы, товарищи, этим самым показываем силу нашей партии, силу идей марксизма-ленинизма». Идеи идеями, а в жизнь сельской семьи это решение вносило и впрямь большие перемены. Снятие с нее груза натуральной повинности сразу делало ее свободной в выборе своих хозяйственных решений, теперь человек хоть у себя на усадьбе становился более-менее свободным хозяином.

Раскачал!

Проверив свои расчеты на людях бедного Северо-Запада и встретив такую поддержку, Хрущев смело вышел с ними на юбилейную сессию Верховного Совета СССР, посвященную сорокалетию Советской власти. Догнать в ближайшие годы США — это становилось, таким образом, официально утвержденной хозяйственно-политической задачей страны. Сразу после праздника, выступая в Киеве, он сказал: «Вам, товарищи украинцы, надо не только догонять, а значительно перегонять США по производству продуктов животноводства. Может быть, в два раза, а может быть, и больше»,

И в этом зале звучали бурные аплодисменты.

Запад, занятый своими кризисами, пожимал плечами.

В юбилейном году не осталось, наверное, колхоза и совхоза, который не объявил бы своих намерений (и, конечно, выкладок) в отношении Америки. Той осенью я начинал работать в газете (районной, на целине), и главное, очень, надо сказать, непыльное мое дело было ездить по совхозам и привозить в блокноте «статьи» директоров о том, когда они, по их расчетам, ее, проклятую, догонят. Хрущев, читая похожие статьи в «Правде», «Известиях», «Сельской жизни» — и где только, будучи первым и самым усердным в стране потребителем такой литературы, он их не читал! — был так доволен активностью и творческим размахом низов, что однажды даже поворчал: «Иной работник в болото залез, никак не выберется, а кричит, что он тоже догоняет Америку».

Он-таки раскачал их!

Он особо заботился о том, чтобы в народе, решившем ее догонять, не было недостатка в хорошей патриотической злости. Образ врага создает, не мудрствуя, использует привычные краски, усиливая только то, что дядя Сэм⁸ страшно встревожен. «Теперь империалисты думают о том, что нужно сделать, чтобы не дать возможности Советскому Союзу опередить США. Ничего вы, голубчики, не сделаете... Коммунизм будет господствовать на всем земном шаре».

В конце 1959 года Хрущев сообщал на Пленуме ЦК, что государственные закупки мяса в колхозах и совхозах увеличились на 36 процентов. Но это что! «Мы перегнали США по производству масла на душу населения». Знал ли он, что американцы намеренно, по советам врачей, стали отставать по маслу, переключаясь

на маргарины? Говорил ли ему кто-нибудь, что первые успехи в гонке сильно связаны с тем, что колхозы и совхозы скупали скот у населения, а также, не думая завтрашнем дне, пускали под нож недокормленный молодняк? Не исключено, что и знал, и говорили, но какое это имело значение? Народу нужны победы. Без победы не должен проходить ни один день. Только победы объединяют народ, как нам, литераторам, скажет через 30 лет один партиец, рангом чуть-чуть ниже Хрущева, собрав нас, чтобы грозно вопрошить, долго ли мы еще будем писать о закупках хлеба у американцев: «До каких пор вы будете внушать народу низкое мнение о самом себе?» Только победы объединяют, только они, и Хрущев все отмечает и отмечает: то «большой трудовой подвиг работников сельского хозяйства Рязанской области», продавшей государству 100 тысяч тонн мяса вместо плановых 50 и обязавшейся в следующем году выполнить три плана, то Тульской, то Липецкой. Он уже считает возможным даже американцев помянуть миролюбиво-снисходительно: «Думаю, что американцы на нас не имеют права за это (за наши успехи. — А. С.) обижаться. Ведь оттого, что мы их перегоним, превзойдем по производству продуктов животноводства, у них никаких царапин и синяков от этого не будет...»

Отчасти это, впрочем, наигрыш, потому что не везде так ладно, как у рязанцев, отнюдь. Брянская область, например, обязывалась продать 51 тысячу тонн, а продала 21, и — что тревожно — меньше, чем в предыдущем году, когда было 24. И таких областей немало. Если так пойдет у всех, предупреждает он, то «мы не только не обеспечим страну продуктами сельского хозяйства, а проедем то, что имеем». Зачитывает письма с Дальнего Востока, где к его приезду в магазинах появилось мясо, а потом опять исчезло, говорит об ухудшении снабжения молоком и мясом в Харьковской, Днепропетровской, Гомельской, Ростовской, Челябинской областях, в Грузии и Казахстане. Американцев по маслу перегнали, а из Омска ему пишут: нет масла в магазинах, нет...

Здесь он впервые не очень громко призывает не брать обязательства с потолка.

Меняется, делается неровным тон, каким он говорит о кукурузе. Хрущев уже знает, что для обкомов-райкомов важно одно: чтобы она была посеяна. Рапортуют о квадратах, а в действительности сеют кому как вздумается, поля зарастают сорняками. Громадный опыт очковтирательства плюс крестьянская сметка нашли выход: погнбшую под сорняками кукурузу стали показывать в отчетах как использованную на выпас. Вручая рязанцам орден Ленина, он еще сравнивает ее с танком: «Кукуруза, товарищи, — это танк в руках бойцов, я имею в виду колхозников...» Но в Ростове уже заявил

прямо: кукуруза должна давать 200–250 центнеров зеленой массы с гектара, иначе ее невыгодно сеять. Лучше «сначала научиться ее выращивать, а пока сеять другие кормовые культуры, хорошо освоенные колхозами... Некоторые могут сказать: что же это вы отбой бьете... Нет, товарищи, это не отбой. Я считал и считаю кукурузу королевой полей... Но если кто не умеет, как говорится, жар-птицу ловить, пусть держится за мокрую курицу, и то польза будет в хозяйстве... Народная поговорка гласит: "Насильно колодец рыть — воды не пить"».

Он все чаще показывает «кузькину мать» угодникам, ловкачам, бездельникам, но зерна в стране по-прежнему не хватает, ожидаемого роста валовых сборов нет. Где же брать зерно? Как? Созывает совещание руководителей европейских соцстран. Он смущен, но откровенен и тверд. Советский Союз почти не отказывает в зерне тем, кто просит, а просят все, просят даже некоторые из тех стран, которые еще недавно сами вывозили его. Теперь же, ввиду ожидающихся в СССР больших приростов за счет кукурузы и целины, эти друзья, видимо, сочли, что нам скоро некуда будет девать своих урожаев, и решили нам помочь. О нехватке Хрущев помалкивает, толкует о резервах: «Нам нужны большие резервы». Ему крайне желательно, чтобы братья «считались с нами, не проявляли бы настойчивости, упорства, с которыми другой раз встречаемся с вашей стороны, не предъявляли бы таких требований, которые нам обременительны для выполнения». Продовольственное зерно он обещает и впредь, а что касается фуражного, то есть кукурузы, просит извинить, понять, что «резервы Советского Союза — это не только наши резервы, они являются, как показал опыт, и вашими резервами». И недвусмысленно дает «дружеский совет и пожелание — надо создавать у себя какие-то резервы, потому что жить вам без резервов и надеяться только на наши резервы нелегко, это создает большие трудности и для нас, и для вас».

Отказывая им в фураже, он дает то, что стоит дороже всего, — совет: сесть на такого же коня, какого вслед за американцами оседлали советские колхозы и совхозы. «Кукуруза — это самое мощное, самое сильное средство подъема животноводства». У него был один очень интересный пример. Однажды, будучи в ГДР, встретился с лидером Христианско-демократической партии Отто Нушке, с интересом узнал, что этот верующий восточный немец — самый настоящий единоличник, имеет свое хозяйство. Тут же, естественно, стал агитировать его, чтобы он посеял кукурузу. Немец отвел глаза: «Сеем». Но не на того напал: «Нет, давайте посеем у вас так, как мы сеем». Вырвал и обязательство — не меньше пяти гектаров. Вернувшись в Москву, призвал помощника и велел

собираться в Германию на сев. К появлению у него на хуторе расторопного Шевченко с русскими семенами немец передумал — дал ему для его забавы только полгектара, самый плохой клочок. Шевченко свое дело знал, с заданием международной важности справился успешно: в его квадратах кукуруза вымахала на три метра. Высокопоставленный единоличник обрадовался, кинулся звонить Хрущеву: не подбросит ли он семян и на следующий год? «На сколько гектаров?» — спросил Хрущев ликуя. «Шлите больше, семена нужны не только мне, господин Хрущев, — соседи тоже хотят сеять». Ради этого стоило жить... Он смело призывает не церемониться с крестьянством: «Мы действовали главным образом способом убеждения людей, показывали на конкретных примерах выгодность этой культуры. Но когда интересы дела требовали, то кое-кого и понуждали заниматься кукурузой».

Он настойчиво, уже, пожалуй, нервно ищет резервы кормопроизводства. Вот Украина. Она сеет 10 миллионов гектаров кукурузы. Что, если найти три миллиона гектаров там, где больше осадков, и поставить целью собирать не меньше 50 центнеров с гектара? Это же будет 900 миллионов пудов! Украина тогда сможет только за счет этих трех миллионов гектаров выполнять свои нынешние планы продажи зерна государству. Да, это выход. Хотя... Черт знает что: кукурузы сеют все больше, а сборы зерна в стране не только не растут, а начинают снижаться. Что-то надо делать еще. Но что? «Хорошо бы бросить клич от имени партии и правительства к колхозникам, рабочим совхозов, механизаторам и специалистам по этому вопросу, чтобы лучшие люди взяли на себя выращивание кукурузы».

Да, лучшие люди, — вся его надежда теперь, как и всегда, только на них. (В США кукуруза дает 50 центнеров зерна с гектара, на этом зерне производят центнер мяса на душу населения. Так много там, видимо, лучших людей, смеялись мы над ним, читая его речи). Семь лет он продвигает кукурузу, а такой рычаг упускал из виду. Клич. Именно клич! Клич — почин. Два взаимно дополняющих друг друга подлинно социалистических средства. Чего можно добиться этими средствами показывает освоение целины, все отдают ему должное, даже, кажется, недруги. При нашей системе, с нашим замечательным народом надо смело идти по пути организации патриотических призывов и начинаний, это дает большую экономию финансовых ресурсов и выигрыш во времени... Бросив клич, непременно проследить, чтобы повсюду стали создавать звенья, а в тех звеньях было бы больше членов партии и комсомольцев. Некоторые пусть так и называются — комсомольские или комсомольско-молодежные.

И вот еще что: не забывать, что даже самому лучшему человеку не может повредить некоторое материальное поощрение. Надо особо платить за получение точных квадратов. Он уже как-то высказывался по этим вопросам. Где-то, помнится, советовал оплачивать труд сеяльщиков в зависимости от густоты стояния растений на момент уборки. Где-то указывал и на важность материальной ответственности: «Если механизатор посеял кукурузу плохо — подсчитайте пустые места, уточните, сколько оказалось пустых гнезд, и удержите с него за это, чтобы другим бракоделам неповадно было». (Одни сеют, другие подсчитывают пустые места и решают, с кого сколько удержать. Интересно все-таки, кто подсчитывает пустые места в США, комментировали мы злобно.)

Обращает внимание на чистые пары в увлажненной зоне. Это 6 миллионов гектаров. За ними никто не ухаживает, как положено ухаживать за парами. Если их распахать, то: «Вот вам целина». Распахать — и посеять кукурузу, конечно. На востоке освоили уже 36 миллионов гектаров целины. Терентий Мальцев с Александром Бараевым советуют хотя бы пятую часть этой площади держать под парами, говорят, что иначе не накопить влаги, не снизить губительного напряжения полевых работ. Но это же еще 6 миллионов гектаров, а если засеять их вико-овсяной смесью или кукурузой, то «можно получить огромную массу кормов для скота», вдалбливает им Хрущев.

Быстрые, простые, верные решения. Вот они, резервы. Нашел — и небо опять безоблачно, опять готов верить: «Мы уверенно идем к победе коммунизма, и никому не удастся задержать наше поступательное движение», радоваться достижениям передовиков: «Фамилия у него Чиж, а полет-то как у орла!»⁹, опять призывает стремиться все выше и выше. «Организуйте дело так, чтобы колхозы и совхозы, имеющие низкие показатели, быстро поднялись, пошли вперед», — решительно велит обкомам и райкомам.

И те ударились во все тяжкие.

Начиная с пятидесят девятого, отчасти с пятидесят восьмого, а особенно в шестидесятом обкомовцы и райкомовцы вели себя в колхозах и совхозах как чужестранцы, которым приказано было оставить после себя выжженную землю. Хватали и гнали на бойни все, что могло передвигаться на четырех ногах: стельных коров и супоросных свиней, телят и поросят, которым бы еще расти и расти. У колхозников скупалось на столь памятных народу и самим Хрущевым проклятых сталинских добровольно-принудительных началах все, что имело кости, независимо от того, что на костях, и тоже отправлялось в счет выполнения обязательств. Ожили времена феодального разбоя: одна область промышленяла

на территории другой. По нормам свободных товарных отношений — почему бы и не промышлять, но такие отношения были запрещены и границы должны были строго соблюдаться, а тут нарушалась и эта святая святых планового хозяйства... Некоторые хозяйства тайно скупали масло у государства в городских продмагах и ему же, горячо любимому государству, продавали.

И все равно шестидесятый год нанес по планам Хрущева самый тяжелый удар за все время с 1953-го. В ряде республик не только не было роста производства мяса, но произошло снижение. В октябре Хрущев пишет записку в Президиум ЦК. Он предупреждает, что «если не принять необходимые меры, то мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 году». В народе чувствуется недовольство снабжением... Как он хвалил еще вчера рязанцев! Как ждал от них трех планов, как восхищался первым секретарем Рязанского обкома Ларионовым, вручил ему Золотую Звезду, звал на работу к себе в ЦК. (Тот отказался, заявив, что еще не все сделал, что мог, в полюбившемся ему Мещерском крае). А ведь и тогда «раздавались голоса, что там не все чисто», что три плана — это бред, что в попытке его выполнить рязанский князь надорвет область, пойдет на очковтирательство (и в конце концов вольет в себя стакан коньяку с пригоршней снотворного или, по другой версии, пустит себе пулю в лоб и будет похоронен с почестями — этого, правда, маловеры не предсказывали). Хрущев считает, что надо проверить сигналы о ларионовских аферах и «решительно осудить такие явления, когда некоторые работники совершенно безрассудно берут обязательства, трубя вовсю...». С тоской восклицает: «Зачем же воскрешать худшее, что у нас было?» Неважно и на целине, в Казахстане в целом: поголовье не растет, привесов нет, баи отговариваются нехваткой кормов. Приезжал Кунаев. Гора привезла мышь — предложил разукрупнить области, создать еще одну, как будто от этого прибавится силоса, а не только полтыщи дармоедов.

Всю осень он диктует, диктует... У него получается целая брошюра тезисов к докладу на Пленуме ЦК, который должен состояться в январе 1961 года. Ни себя, ни других утешить ему нечем, чуда не произошло. Массовый падеж овец. Овцы буквально на глазах гибнут во многих колхозах и совхозах... Позорное явление! Грузия потеряла каждую десятую овцу. Удой снижаются, коров сдают на мясо, «хищнические забивается молодняк».

Обзванивает обкомы, вызывает секретарей к себе, уже не каждому встает навстречу — не то настроение, да и самочувствие. Ничего толкового, позволяющего серьезно на что-то надеяться, сказать они ему не могут. Скот не растет так быстро, как хоте-

лось бы, не жиреет от святого духа. Просят подкинуть кормов. Как будто он их сам выращивает, черт возьми! «Руководители республик, краев и областей дают свои объяснения причин неудовлетворительного выполнения принятых обязательств. Объяснения можно найти для бюрократа, но для народа их нельзя найти». Он не признает независящих причин. То, что о н и начинают все смелее заговаривать о невыполнимости поставленных задач, его тревожит и возмущает едва ли не больше, чем допущенные и м и провалы. Ведь опустят же руки! Перестанут стараться, искать... Пораженчество надо пресекать в корне. «Если кто-то пытается доказать, что у нас нет возможности для резкого подъема животноводства и обеспечения потребностей населения в продуктах, то он проявляет себя как несостоятельный руководитель». Борясь с пораженчеством, не останавливаться перед крайними мерами, перед хирургическим вмешательством! «При наших природных условиях, земельных просторах и, главное, экономических возможностях только политические банкроты могут говорить о нереальности задачи полного обеспечения потребностей страны в продуктах сельского хозяйства». Надо заменять этих банкротов. У них «слишком ограниченное понятие о строительстве коммунизма!» Уходите! Партия сильна, люди есть. «Молодые руководители покажут свои способности».

А он этим молодым поможет своими идеями, конкретным и волевым руководством. Идей и воли у него еще хватает, на оскудение пусть не надеются ни свои, ни заокеанские банкроты. Он, например, только в последнее время обратил внимание на свеклу: вот настоящий кит¹⁰. Грачев в Калиновке сказал, что легче получить 400 центнеров сахарной свеклы, чем 200 картофеля. А что значит иметь 400 центнеров свеклы с гектара? Это 14 400 кормовых единиц. А 200 центнеров картофеля — только 6 тысяч единиц... Далее — орошение и обводнение. А горох, горох! Тот самый горох, которому дал путевку в колхозно-совхозное производство молодой украинский председатель Василий Кавун. Рано высевается, не боится заморозков, быстро растет.

[А. С. Шевченко (дословная запись): «Это я ему подсказал горох. И Кавуна, молодого винницкого председателя, в пример тоже я нашел. Подгорный был почему-то недоволен: «Мы лучшего могли найти». И горохом, и Кавуном Хрущев сильно увлекся. Я посеял ему на даче в Ильинском, где у него было гектара полтора земли, четверть гектара хорошего гороха. Взошел очень красиво, но полезли сорняки. Хрущев испугался и по дороге на работу заехал в Немчиновку, в Институт Нечерноземной зоны, где директором был Вареница, и тот посоветовал опрыскивать посев симазин¹¹.

Я говорю: «Никита Сергеевич, зачем вам это делать? Горох подрастет, сам себя закроет, это ж вам не кукуруза — он густо сеется, сорняк ему не страшен». Согласился, но на следующий день опять: «Все-таки надо опрыскать». — «Тогда, — говорю, — опрыскивайте сами с Вареницей. Я туда и не поеду, чтобы не смотреть на это варварство». Приготовили они бочку, в совхозе «Горки-2» взяли лошадь, распылители, Вареница старательно опрыскал, Ну, я жду, что дальше будет, а что будет, мне, вообще-то, известно: горох пропадет. Симазин — это гербицид, который уничтожает все подряд, кроме кукурузы. Ночью прошел дождь, а утром мне звонит комендант дачи: «Андрей Степанович, беда, горох желтеет». — «Все ясно, сегодня подбеду». Приезжаю и вижу: по краям участка, где на поворотах шла двойная доза, все уже погибло, на остальной площади сворачивается лист. Вернулся на работу — звонок от Хрущева. Голос поникший, будто похоронил кого: «Наведайтесь в Ильинское, там что-то с горохом». — «Я уже был». — «Ну, что?» — «Симазин делов натворил. Горох погибнет полностью». Он не верит, поручает чекистам найти Лысенко. Авторитет... И вот мы втроем на участке: Хрущев, Лысенко, я. Хрущев говорит: «Шевченко утверждает, что горох погиб от симазина». Лысенко отвечает; «Видимо, так и есть, но вы не расстраивайтесь. Вы благодарите бога, что он погиб у вас, а не на миллионах гектаров». Хрущев постоял с опущенной головой, подумал и говорит! «Давайте его перепашем, пусть будет пар. А осенью посеём озимую пшеницу». Я говорю: «Никита Сергеевич, пшеницы не будет». — «Как не будет?» — «Да так. Теперь года два пшеницу нельзя сеять». Он расстроился страшно: «Что же делать?» — «Сейте, — говорю, — кукурузу, симазин только ей и нипочем».]

...Главное, чтоб в колхозах и совхозах занимались горохом так, как Кавун. Кавун сеет густо, тогда горох не ложится, сам себя поддерживает и прекрасно поддается уборке косилкой. Узнавая про подобные достижения и находки, как мог он не злиться на всех этих Бенедиктовых и Мацкевичей? Сидел министром сельского хозяйства один, сидел другой. «Они были на хорошем счету, считаясь дельными работниками, в действительности же они шли не по творческому пути, работали бюрократическими методами, в отрыве от жизни, от практики колхозно-совхозного производства, допустили такое положение, что бобовые культуры, по существу, оказались загубленными». Мыслимое ли дело: за границей кормовые бобы занимают видное место, там их хоть завались, а у нас к весне на складах Комитета заготовок¹² их наскребли 34 тонны. Вот этот комитет теперь и будет ответственным, а не министр Мацкевич! В этом министре он все больше разочаровывался. Однажды перед самым отъездом на какое-то зональное

совещание даже приказал отцепить его два вагона от спецпоезда, чтобы не портил настроения своим присутствием.

И доить всех коров подряд! Не мудрить, не делить их на мясных и молочных, корова есть корова, носит вымя — значит, должна давать молоко. «Если, к примеру, в Московской области начнут делить коров на мясных и молочных, то получится, что одну корову доят, а другая стоит и удивляется, почему к ней такое неуважительное отношение». Вообще в молочном деле, если вместо банкротов за него возьмутся настоящие, верящие в близкую победу коммунизма молодые патриоты, могут проиграть крупнейшие перемены. Трофим Денисович со своей стороны уже «разработал вопросы о повышении жирности молока», — кто не верит и даже пытается критиковать академика, пусть поедет к нему в Горки и посмотрит своими глазами: там у него «две дочери Дивной от джерсейского быка, Дикая и Добрая, имеют жирность молока 5,5 процента, а их бабка Дорожная только 2,9».

Кое-что он сделает и для облегчения финансово-экономического положения сельского хозяйства: снизит цены на запчасти, бензин и автомашины, снизит налоги, даст отсрочку тем, кто еще не расплатился за купленную у МТС технику, удешевит кредит. Но главное — укреплять связь с массами и на этой основе развернуть всенародное движение за увеличение производства зерна, мяса, молока и других продуктов.

«Записка», потом «тезисы» забрали много сил и времени, на них был затрачен такой запал, которого хватило бы для съезда, так что к пленуму Хрущев подошел несколько выдохшийся, внутреннее давление гнева и тревоги чуть-чуть спало. Доклад получился смягченным, по ходу чтения Никита Сергеевич еще разбавлял его лирическими и сатирическими замечаниями, вроде того, что от такого продовольствования, которое обещают народу бюрократы, «хвост не задерешь, а ноги вытянешь». В зале на сей раз было особенно оживленно, часто возникал смех. Это прибавило Никите Сергеевичу смелости: он вспомнил про Америку. Надо все-таки догонять. Догоним вопреки всем трудностям и препятствиям! Он не мог о ней промолчать и на пленуме украинского ЦК в Киеве, куда поехал после московского. Почувствовав там недоумение публики, не уклоняется от прямых объяснений: «Некоторые из вас могут подумать, зачем мы говорим сегодня о возможности догнать Америку по производству мяса на душу населения, если не выполнили еще семилетку!...» Кто-то скажет, сам же признаёт, «что за два года допущено отставание в производстве некоторых продуктов, и тут же фантазирует — догнать Соединенные Штаты Америки... Нет, товарищи, об этом надо говорить. Коммунистическая партия Советского

Союза, весь наш народ уверены, что мы не только догоним Америку, по и перегоним ее». Уверены — это одно. Второе — то, что между московским и киевским пленумами он еще раз прочел книгу известного английского писателя Уэллса «Россия во мгле» и пример «кремлевского мечтателя»¹³ подействовал на него с новой силой. Главное же — третье. Еще раз все обдумав, он окончательно понял, что отставание допущено «не потому, что не было возможностей, а потому, что кое-кто из руководителей зазнался. А зазнайство — большое зло». Не говоря уже про «обманщиков, очковтирателей, безответственных болтунов — это злейшие враги». Им надо противопоставить, возвысить друзей — друзей всего нового и передового, тех, кто идет в авангарде борьбы за большое мясо и молоко. Может быть, учредить «Золотую книгу» или назвать ее «Книгой всенародного почета» и заносить в нее тех, кто догоняет США...

Чтобы эти друзья больше верили в себя, сообщает им, что в них все больше верят даже наши недруги. Если раньше спрашивали, действительно ли Советский Союз собирается догнать США, то теперь спрашивают по-другому: когда он догонит? «Они перестали сомневаться, что Советский Союз догонит США. Теперь их беспокоит один вопрос — когда? Я им отвечал: можете себе в блокнотик записать — в 1970 году мы вас догоним по размеру промышленного производства на душу населения, догоним и пойдем дальше».

Весь этот год он не знает ни выходных, ни праздников, работает, как во время войны, и, как во время войны же, шлет и шлет срочные донесения-записки в штаб — в Президиум ЦК.

Зимой должен был ехать на очередное зональное совещание в Воронеж. Узнав о предстоящем визите высокого гостя, там, как водится, стали принимать меры.

Перед самым отъездом из Москвы он получил письмо о том, что это были за меры. Писал железнодорожный рабочий. Оказывается, в районе строящейся атомной станции осталось много неубранной кукурузы. Управляющий отделением одного совхоза вместе с начальником железнодорожной станции взяли рельс, прицепили его к трактору и стали утюжить поле, чтобы с дороги, ведущей к АЭС, не было видно кукурузы. Письмо было проверено, факт подтвердился. «В чем дело?» — спросил Хрущев по приезде первого секретаря обкома партии Хитрова. «Это у нас такой метод уборки», — объяснил тот.

Так дерзко ему еще не вали.

«Неужели у нас не найдется людей, чтобы правильно решить вопрос? — воскликнул он несколько лет назад на одном из совещаний, удрученный тем, что в стране продолжают недолюбливать кукурузу. — Кто не согласен, пусть выходит на трибуну

и объясняет свою точку зрения». На трибуну в его присутствии никто не вышел ни в тот раз, ни после, но один голос все-таки вскоре раздался. Когда Хрущев с особым негодованием заговорил о пренебрежении кукурузой в благословеннейших местах страны — на Дону, на Северном Кавказе, на Украине, кто-то крикнул: «Пропашных бояться!» Это были слова из тех, с ответом на которые ему бы не торопиться...

В зале не было человека, который не понимал бы тяжелой правды этих слов. Пропашные культуры — это свекла, подсолнечник, кукуруза. В отличие от злаковых это культуры, которые нужно все лето спасать от сорняков, пропалывать, пропахивать, иначе урожая не будет. Пропалывать можно или машинами, или вручную, тяпками. Но машин нет, а тяпками на миллионах гектаров не управиться. Что касается кукурузы, то ее и сеять во многих местах нечем, и убирать трудно — мало комбайнов. Пропашные культуры в таких условиях — это риск, это большая забота на председательскую голову, это не спать ему весну и лето, пропашные — это луг, на котором все лето будут пастись уполномоченные, готовя материалы на бюро, пропашные — это ходить ему, бедному, в выговорах, как в репьях. Это, короче, такое дело, за которое может взяться только человек выдающийся и располагающий материальными возможностями. Или тут должен быть замешан сильнейший личный материальный интерес массы рядовых людей. Хрущевские меры пятьдесят третьего года интерес подняли, но не до такой степени. Обычный же председатель обычного колхоза в этих никому в мире не понятных условиях, когда за чистотой полей различные инстанции почему-то следят больше, чем сами земледельцы, по своей воле брать на себя такую обузу не будет.

Не торопиться бы, доброжелательно позвать обладателя того голоса на трибуну, выспросить его, поручить кому-то непредвзято разобраться, что за его словами... Нет; Хрущев ответил с ходу, да так, что после этого уже никто не подавал голоса. Он сказал, что пропашных бояться только плохие коммунисты, те, которые думают про себя, а не про нужды страны. Хитров после этого захотел быть хорошим коммунистом — и вот в благодатном, многолюдном крае ушли под снег целые моря спелой кукурузы! Не в чрезвычайных условиях, не в войну, а в мирное время... Сколько же должно было быть посеяно этой кукурузы, чтобы ее не успели убрать!

Он распорядился к своему возвращению в Москву приготовить ряд подробных справок. Во-первых, как все-таки обстоят дела не на бумаге, а в действительности на полях. Во-вторых — что с техникой. Смутно ему припомнилось, что несколько лет назад он мельком спрашивал об этом кого-то из Госплана. Его тогда успоко-

или (мерзавцы!). Техники, сказали, в сельском хозяйстве вполне достаточно. Ну, а раз достаточно, он не подумал возражать, когда один за другим стали закрывать заводы сельскохозяйственного машиностроения. Запорожский, к примеру, переключили с выпуска комбайнов на выпуск легковушки, поменяли название. Был комбайн (славный!) «Коммунар», стал автомобиль (консервная банка!) «Запорожец».

В Москве, преодолевая уже дававшую себя знать возрастную потребность уклоняться от неприятных известий, он сразу накинулся на эти справки. Его бросило в жар. В 1957 году кукурузоуборочных комбайнов было выпущено 55 тысяч, а в шестидесятом — только 13 тысяч. Не требовал, не проверял — и не делали. Что требовал, то и делали. Требовал расширять посевы — их, со скрипом, и расширяли. До сих пор он был уверен, что лично руководит сельским хозяйством. Чем-чем, а сельским наверняка, он ведь его любит и знает, его авторитет признан, его советы имеют большую цену — достаточно посмотреть на опыт лучших людей, внявших этим советам. Он ввел, можно сказать, народный обычай — зональные сельскохозяйственные совещания, — страна, как ему докладывали, ждала этих совещаний из-за его речей, она привыкла к его постоянному широкому присутствию на газетных страницах и экранах телевизоров, это вселяло в народ бодрость, дисциплинировало кадры. Об этом ему не раз говорили и Воронов с Полянским, и Подгорный с Брежневым, и тут они, конечно, не обманывали. По справкам же теперь выходило, что все эти годы каждый делал что хотел.

В Костромской области 54 процента всех посевов до сих пор занимают овес и травы, а кукуруза — меньше двух. Он думал, что саботаж давно прекратился, что ее теперь сеют не меньше, чем могут довести до ума, а как Хитров, скорее больше. Оказалось, нет, в такой большой стране всегда могут найтись, точнее — затеряться на се просторах, мнимые смельчаки, которым никто не указ. Кто там первый секретарь обкома, в этой Костромской области? Флорентьев, кандидат, между прочим, наук, должен был бы, кажется, понимать... Что там Костромская! У него под носом, в Московской области, которую он знает вдоль и поперек, на чьих полях проводит свои выходные, — здесь тоже делают что хотят! В пятьдесят восьмом году, имея большие надежды на целинный хлеб, он освободил от обязанности поставлять зерно государству всю Нечерноземную зону. Думал: пусть их зерно остается у них, будут кормить им скот. Черта с два! Они тут же (не предупредил, не проследил...) свернули свое зерновое хозяйство, как будто оно не их, это хозяйство, а чужое — его, хрущевское. Понадеялся на их сознательность, считал, что они чувствуют себя ответствен-

ными хозяевами. В Московской области по сравнению с пятьдесят третьим годом уменьшили посевы зерновых на 42 процента, изгнали гречиху. Что же у них вместо зерновых, вместо гречихи? Да то, что не требует труда и заботы, о чем все они, лодыри, мечтают, что спят и во сне видят — однолетние травы. Площадь под ними увеличили в четыре раза, сена же берут 9 центнеров с гектара — стыдно смотреть на такую цифру.

Получалось, что даже его, Хрущева, до сих пор слушается только тот, кто хочет слушаться, и, как ни верти, сельским хозяйством не управляет ни он, ни министр Мацкевич, ни кто-либо другой. Если вдуматься, так и Мазуров не управляет сельским хозяйством своей Белоруссии, саботаж первостепенных культур — кукурузы пшеницы, гречихи — происходит сам собой. Сверху не дано на них плана, значит, нет к ним и внимания.

Справки мучили. Оказывается, едва ли не сразу после сентябрьских, 1953 года, славных решений об увеличении вложений в сельское хозяйство их начали тихой сапой, частями урезать и отбирать. Повысили цены на изделия промышленности для села, приказали колхозам в кратчайшие сроки расплатиться с государством за переданную им технику упраздненных МТС. Сам и приказал, причем грубо, раздраженно. Нечего тянуть, надо брать пример с калиновцев, которые решили внести деньги в один прием! «Так что же вы ждете, чтобы я напомнил вам об этом? — шумел, помнится, на торжествах в Ростове. — Государство, весь советский народ заинтересованы в том, чтобы колхозы быстрее оплатили стоимость купленной техники». Они-таки оплатили, сам и докладывал об этом всему советскому народу, выложили все, что у них было, и это так подорвало их финансовое положение, что не все смогут оправиться и через десять лет.

Стал еще настойчивее обзванивать людей, приглашать для бесед. Ну, что? Ну, как? В чем все-таки дело? Кто его водил до сих пор за нос? Что подсовывали смотреть? Передовиков подсовывали, их обязательства и рапорты, а он, развесив уши, поздравлял без разбору: с обязательством — так с обязательством, с рапортом — так с рапортом, — считал, делается важное дело, моральный фактор в наших условиях имеет огромное значение. Неудачи двух лет подряд заметно отрезвили зазнававшихся было руководителей республик и областей, они стали больше помалкивать, языки не поворачивались называть приятные ему цифры обязательств. Спущенный им на 1961 год план, в который был включен недобор где одного, а где и двух лет, огорошил их, каждый понял, что, сколько ни гори на работе, до спасительного рубежа не дотянуться, впереди мрак, позор, отставка. «Оказалось, что они не подумали сделать такие

расчеты с учетом резервов и возможностей», — бушевал он на всю страну, рассказывая о своей беседе с руководителями черноземных областей, от которых ожидал, что они, как недавно Подгорный со Щербицким в Киеве, положат перед ним настоящий график гонки за Америкой. «Спрашиваю товарищей: как идут дела? Отвечают: такого плана мы еще никогда не имели. И я вижу, кое у кого ноги дрожат. Если бы товарищ не сидел на стуле, так, чего доброго, упал бы». Вчера ходившие гоголями и жадно хватавшие из его рук пацки, а сегодня только о «том и мечтающие, чтобы не попасть ему на язык, они вызывают у него все большее отвращение; «Кто не понимает того, что надо бороться не за сохранение существующего уровня производства, а за всемерное его увеличение... тот ничего не понимает в политике нашей партии».

По пути на отдых в Гагру встречается с руководителями территорий, которые пересекает его поезд: Тульской и Орловской, Курской и Белгородской, Харьковской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. В Харьков к нему прилетают из Киева Подгорный и Щербицкий, которыми он и на сей раз остался доволен. Они мгновенно откликаются на его идею о переводе Министерства сельского хозяйства с асфальта на землю. Стоило сказать, что союзное отправится скорее всего в Горки Ленинские, как они тут же сделали встречное предложение относительно украинского — разместить его на базе опытной станции Терезино под Киевом...

Во время этой поездки случайно узнал, что колхозникам уже не дают дополнительной натуральной оплаты, которая, как он помнил, служила серьезным стимулом к труду. Деньги деньгами, а когда свинарка, к примеру, могла получить за свои успехи несколько поросят, а дояркам за высокие удои начислялось молоко, это было куда как наглядно и действенно. «Ни в коем случае нельзя уговаривать колхозников, — пишет он в Президиум ЦК, — чтобы они отказывались от дополнительной оплаты, взамен натуральных продуктов получали деньги. Надо честно себя вести, укреплять доверие колхозников. Мы должны жить не только сегодняшним днем...» Никто их ни в чем не уговаривал. Натуральные выдачи были прекращены в борьбе за выполнение планов, к тому времени окончательно ставших невыполняемыми. Одной рукой как бы возобновляя натуральное поощрение. Хрущев (сталинская школа лицемерия!) другой рукой забирал свое благодеяние назад: «Конечно, если колхозники добровольно захотят получить дополнительную оплату деньгами, то надо выдать деньгами». Вот они до сих пор и хотят добровольно получать бумажки вместо продуктов, а за продуктами ездят в города...

Отбой

Он разрывается между возможным и желаемым, между требованиями хозяйства и политики. С одной стороны, мучается оттого, что при его попустительстве, невзначай была подорвана техническая оснащенность сельского хозяйства. «Если мы будем только призывать людей выращивать кукурузу, сахарную свеклу, переходить в доении коров на "елочку", но не обеспечим производство кукурузоуборочных и свеклоуборочных комбайнов, доильных аппаратов и других машин, то окажемся просто болтунами. Нельзя звать к высокой производительности труда и рубить кукурузу топорами». Его уже не радуют, а тревожат люди, которые привычно, оголтело-услужливо обещают расширять и расширять посевы кукурузы: «Против этого стремления нельзя возражать, но я хотел бы посоветовать — прежде всего научитесь на каждом гектаре получать более высокий урожай».

С другой стороны, ему нестерпимо и то, что после восьми лет неустанного убеждения и принуждения к кукурузе сплошь и рядом продолжают предпочитать травы. Тут, решает он, замешан крестьянский консерватизм, столкнувшийся с ученым начетничеством. Крестьянское поклонение старине вызывает у него горечь: «Мы слышим: лен на клевер, клевер на лен — будешь умен. А мясом кормить людей кто будет?» Люди не понимают, что эта мудрость идет из времен, когда в стране не было животноводства, когда крестьянин и в мыслях не имел выходить на рынок с молоком и мясом — скот держали для навоза. «Курский крестьянин утверждал: корова в наших условиях — это не молочница, а навозница». Чему можно научиться у такого крестьянина, если ставишь своей целью сделать корову источником кое-чего, что весьма и весьма не похоже на ее навоз, — молока и мяса?

Противоречивый в том и в этом, Хрущев целен в одном отношении. У него живой интерес ко всему новому, техническому, от чего разбегаются глаза у свежего деревенского парня, только-только окунувшегося в городской, в заводской котел. И — н е и н т е р е с здоровой простонародной натуры к старине, к трехполкам-травополкам и журавлям над колодцами. Кожей заводского ватажка он чувствовал, что стране, которая должна стать в число первых в мире по производству мяса, древнее хозяйственное благочестие если и может помочь, то в последнюю очередь, скорее же всего помешает. Как хорошо говорилось ему об этом с Гарстом! Как наглядно это было видно по самому Гарсту, по его ферме! Американский фермер, который кормит полмира, обижается, когда его называют крестьянином. Крестьянин — это святой человек, но он

может кормить в основном только самого себя. Когда большинство населения сельское, города вполне могут жить тем, что упадет (или схватят сборщики налогов) с крестьянского стола. Но когда страна делается городской, ее может обеспечить не земледелец сам по себе, а деревня вместе с городом. Без городской науки и техники земледелец бессилен. В свою очередь, городская наука и техника бессильны без земледельца — без такого, как Гарст, который держит подобно нашему министру личного секретаря, досконально знает, что такое гибридизация, может спроектировать и построить (на свои, естественно, деньги) семеноводческий завод.

Упершееся в старину ученое начетничество, поклонение Вильямсу вызывают у Хрущева праведно-пристрастный гнев чело века, который испытал этот культ на своей спине. Вильямс, как известно, требовал половину пашни отводить под многолетние травы, а из хлебов сеять только яровые. Но Хрущев 13 лет работал на Украине, а там испокон веков яровые рожали хуже, чем озимые. Он не имел ничего против Вильямса («Человек наш», — отзывался о нем), но ему нужен был хлеб, высокие и устойчивые валовые сборы. Объясняя этот свой подход, он приводил украинское при словье: «Мы люди бедные, мы люди темные, нам абы гроши». Сталин же с Маленковым заставляли его сеять по науке яровые — это было губельно, приходилось хитрить, вести опасную борьбу, воспоминания об этом остались самые неприятные. Права озимой пшеницы он отстоял еще тогда, но культ самой травопольной системы оставался нетронутым до сих пор.

...Плохо все. Плохо сеять кукурузу, чтобы рубить ее топорами или губить сорняками, и плохо не сеять, допускать, чтобы чуть ли не половина земли гуляла под паром и хилыми травами, тогда как нужны корма, когда в стране не хватает мяса, когда Америка все еще далеко впереди. Победило желание ее догнать.

По возвращении из отпуска Хрущев принялся за искоренение ненавистных ему трав, для чего должен был как следует потревожить тень Вильямса. Помощники подняли литературу, сделали для него рефераты. Он сам не ожидал, что эта тень предстанет перед ним такой мрачной. Лучшие ученые — Дояренко, Прянишников, Тулайков — были, оказывается, единодушны в том, что воззрения и рекомендации Вильямса решительно ни на чем не основаны. Академик, как выяснилось, не делал никаких расчетов, не проводил никаких экспериментов, там было одно только умозрение, что-то близкое к навязчивой идее. Он заклеил борону, сочтя, что она разрушает создаваемую многолетними бобовыми травами мелкозернистую структуру почвы. О тракторе и говорить нечего: отверг его с неистовством. Беспартийного

корифея, правда, тут же пригласили на партсобрание в Тимирязевской академии: «Владимир Ильич Ленин, по-вашему, ошибался, когда мечтал дать крестьянам сто тысяч тракторов?» Доселе не внимавший лучшим ученым, тут Вильямс сразу признал свою ошибку, а поскольку без врага обходиться уже не мог, то быстро нашел его в лице коня: стал говорить, что трактор — это очень хорошо, трактор почву не разрушает, а что очень плохо, так это конь — разрушает, подлец, надо гнать его с поля. Кто знает, как обернулось бы дело, если бы ученые говорили с ним не на языке академических рецензий, а на языке тогдашних собраний и митингов. Именно этим языком Вильямс и предавал своих противников в руки палачей. «Совершенно ясно виден в этом достаточно открытым и нагло издевательском тезисе враг, который толкал социалистическое сельское хозяйство, особенно наши только что организованные зерновые совхозы, на путь отрицания севооборотов, на путь монокультуры», — писал он о А. Г. Дояренко, имея в виду его ценнейший поиск «такой степени монокультурности, при которой мы будем иметь наибольшую площадь под определенную культуру при наименьшем понижении от этого урожая».

Идейный разгром травопольной системы, на что были мобилизованы печать, радио и телевидение, эстрада и кино, удалось осуществить в несколько недель, он казался полным и окончательным, слово «травопольщик» стало ругательным. Борьбу можно было переносить на поля. Теоретически непримиримый ко всякой траве до враждебности, тут Хрущев проявляет вдруг не свойственную ему осторожность: нельзя, говорит, бездумно распахивать все травы. Чтобы использовать пропадающие под травами и чистыми парами земли, понадобится «оснащение колхозов и совхозов дополнительным количеством техники для посева, обработки и уборки урожая...». Где же ты был раньше с такими суждениями?! А теперь было поздно. К а д р ы набрались опыта, поняли: какие бы оговорки он ни делал, в исполнении его желаний лучше перебрать, чем недобрать. За уничтожение трав, подхлестываемые с цепи сорвавшимися газетами, взялись так же рьяно, как недавно за убой стельных коров. Он не останавливал. Предупредить хватило сил, проследить уже не мог.

А когда мог? И кто мог бы?

Кому-то, да и самому ему, казалось, что он хочет заменить травы кукурузой и завести больше скота, а означало это не что иное, как попытку создать новое, небывалое сельское хозяйство, заменить одну цивилизацию — цивилизацию трав и паров — другой, неизмеримо более высокой — цивилизацией кукурузы, пропашных культур, причем сделать это почти на пустом месте, без нужных

машин, удобрений и гербицидов, без дорог, без надежных тылов в виде складского и тарного хозяйства, комбикормовой промышленности, а главное, создать по команде, на основе сознательной исполнительности секретарей обкомов и райкомов...

Все отчетливее понимая, какое великое и сложное здание хотел построить почти между делом, в порядке личного увлечения, он все меньше щадит себя. Ноты жестокой самокритики, хотя и говорит он не «я», а «мы», звучат из речи в речь все его шестидесятие годы. Было этих лет, как известно, неполных четыре. Пересматривает наконец свое отношение к минеральным удобрениям. Большое, оказывается, дело! Западные немцы вносят почти по тонне на гектар, американцы — свыше полутора центнеров, мы сыплем пригоршню, да и то мимо, неправильно. А он своих учил: минеральные удобрения — это дорого и долго, «п о з т о м у (разрядка моя. — А. С.) надо делать ставку на расширение посевов кукурузы». Выстраивал фантастическую хозяйственную цепь. Вместо минеральных удобрений — кукуруза. На кукурузе быстро будет увеличено поголовье скота. А «с ростом поголовья общественного скота возрастет накопление навоза. А этот путь увеличения производства удобрений намного легче и дешевле, чем строительство новых заводов по производству минеральных удобрений. К тому же азотные и другие минеральные удобрения ни в к а к о й степени (разрядка моя. — А. С.) не заменят органических удобрений». Гарст в это время на навоз уже не обращал внимания — возни много, толку — по сравнению с минералкой — мало. Когда ему говорили, что Хрущев собирается внедрять кукурузу без удобрений, он наотрез отказывался верить. Даже когда своими глазами увидел на Кубани, как сеют кукурузу без удобрений, не поверил, что это с ведома Хрущева. «Что вы делаете? — кричал на все поле, пытаясь остановить сеялки. — Я буду жаловаться Хрущеву! Кукурузу нельзя сеять без удобрений». На бедного Никиту Сергеевича эта выходка произвела впечатление, он задумался, начал объясняться: он, мол, всегда понимал роль удобрений, да страна не располагала средствами для строительства химических заводов...

Набив столько шишек, Хрущев понял, что одному ему руководить сельским хозяйством не по силам. (Что никому не по силам — до этого у нас, скорее всего, в XX веке уже не додумаются.) Он все еще верит, что буквально во всех районах страны кукуруза на силос может давать высокие урожаи, но прежнего огня в этих его словах уже нет, не рождаются, как прежде, меткие сравнения, не вспоминаются, не сказываются прибаутки, он чувствует уныние и униженность от размаха, который приобрело вранье. Чем больше ездил по стране, чем более высокими задачами старался

увлечь народ и кадры, тем больше становилось вокруг вранья и угодничества. Это-то и заставляло его теперь от любимой агрономии постепенно, с неохотой и тяжелой задышкой поворачивать к политике, ступать на эту зыбкую почву, где один неверный шаг грозит катастрофой.

Повернуться к политике — значит посмотреть на партию. Врут-то больше всего коммунисты, и коммунисты ответственные. Тот же воронежский Хитров, убиравший кукурузу рельсом. Какое бесстыдство! Состояние партии, в которой на ключевых постах такие люди, вызывает большую тревогу. «Следует учитывать, что сейчас наша партия стала массовой и среди миллионов честных коммунистов имеются и такие люди, которые носят партбилет, а страдают безыдейностью в работе». Учитывать следует, но как? В марте 1962 года Хрущев выступает с программой управленческой реорганизации. Пустяковая сама по себе, никак не затронувшая глубинной народной жизни, она заставила так понервничать и посуетиться бюрократию, что та потом долго не могла простить этого Хрущеву и с важностью победоносного слабоумия выдавала вполне невинные его опыты чуть ли не за покушение на устои.

Отправная точка у него все та же: строить коммунизм (да, речь уже о коммунизме, ведь только что принята новая Программа партии) без мяса и молока нельзя. Ни на секунду не оставляет он и мысли об Америке, чтобы догнать которую надо производить 75 тонн мяса на сто гектаров пашни и 16 — на сто гектаров сельхозугодий. (Сам и подсчитал, было это на моих глазах, ранней весной 1961 года, на целине, в клубе совхоза «Кантемировский», где он выступал, как считалось, перед рабочими. В действительности зал был забит начальством, охраной и нами, газетчиками. Некоторые были в восторге от того, что выступал он без бумажки, свободно умножал и вычитал вслух; сначала я записывал ход его подсчетов, потом сбился и стал просто набрасывать в блокноте его словесный портрет, отметив главное, что бросалось в глаза: Хрущев был очень бледен. Незадолго перед тем был запущен очередной спутник, и в конце Никита Сергеевич, чуть-чуть порозовев от удовольствия, выдал секрет: сказал, что в том спутнике уже был «макет человека»¹⁴. Я еще подумал, что лучше было бы сказать все-таки «чучело». В зале было очень жарко, его целую неделю топили назначенные парторганизацией и проверенные органами люди.)

Он нашел причину отставания. Одна из главных причин — отсутствие конкретного, со знанием дела управления производством, говорил на мартовском, 1962 года, Пленуме. Оказывается, «у нас нет органа, который обеспечивал бы выполнение выработанных заданий, и мы ограничиваемся тем, что бросаем клич: вперед,

товарищи! А кто и как пошел вперед, все ли отряды двинулись, все ли подготовлено для производства необходимого количества продуктов? Об этом никто не знает и ответственности не требует, да и не с кого ее требовать». Управление должно быть самым прямым, повседневным, бригадирским — вот его открытие. Устройство такого управления — его новая цель. «Придет время, когда мы воспитаем таких руководителей, как тт. Кавун В. М., Буркацкая Г. Е., Семенов И. М., во всех колхозах и совхозах, тогда функции управления изменятся коренным образом, очевидно, управление сведется к тому, чтобы разрабатывать общие положения, давать заявки на производство продукции... которая нужна для страны, для наших людей. Пока мы такого положения не имеем. Сейчас на одного смотришь и радуешься, а другого за уши тянешь и не вытянешь». Основной фигурой в этом органе должен быть инспектор (хорошо звучит, по-военному), но надо еще подумать, может быть, найдется и более удачное название, например, «организатор». (Сойдутся на «инспекторе-организаторе».) Самое главное — эта контора не будет «органом районных организаций и будет действовать как орган, облеченный большими полномочиями областных, краевых или республиканских организаций». При этом органе — назовут его производственным управлением — будет небольшой партком. Территория, которую они охватят, будет, как правило, больше нынешнего района. Районы, следовательно, придется укрупнить. А райкомы ликвидировать. И путь к коммунизму свободен.

Тем временем подошел XXII съезд партии — событие, которым вполне можно было, казалось бы, воспользоваться, чтобы з а б ы т ь, по крайней мере, о соревновании с Америкой. Но те, которые будут смело забывать такие вещи, придут после Хрущева. Хрущев же помнит и с вызовом напоминает всем. «Здесь присутствуют американские журналисты, — находит он для них место в Отчетном докладе, — они любят издеваться над этим нашим лозунгом. Но знайте, господа, что если мы так говорим, то это будет непременно сделано нашим народом. (*Аплодисменты.*) Когда партия выдвигает лозунг, наш народ поддерживает его и претворяет в жизнь. Это будет! (*Аплодисменты.*)».

После съезда он отдельно собирает делегатов, занятых в сельском хозяйстве. «Советский народ уже в 1962 году должен почувствовать реальные плоды осуществления тех мероприятий по сельскому хозяйству, которые намечены XXII съездом партии», — настраивает их. Потом опять устремляется в поездку по стране. В Целинограде с налету включается в спор Бараева с Наливайко, хотя и оговаривается, что ученые и специалисты должны все хорошенько изучить, поспорить... Бараев выступает

за пары. В институте зернового хозяйства в Шортандах, которым он руководит, они занимают свыше 30 процентов пашни. Хрущев считает это расточительством земли, говорит, что такое хозяйство не может успешно соревноваться с американской фермой. Наливайко выступает против паров. В Алтайском институте, которым он руководит, вся пашня занята кроме пшеницы пропашными культурами. Хрущеву это более чем нравится: пропашная система земледелия — его последняя надежда, другого пути к увеличению производства кормов, а значит, и мяса он не видит. Нехорошо выступает перед народом в Целинограде — развязно, шутки его на сей раз особенно грубы. Бараеву говорит: «Придется поучиться у Наливайко и т. Кан Де Хана — председателя колхоза "XVIII лет Казахстана"». Это замечательный председатель колхоза. Они вам, если можно так сказать, не одну блоху под рубаху пустят, т. Бараев. (Смех в зале. Аплодисменты.) А это неплохо, потому что она будет бодрость придавать, чтобы вы не дремали. (Смех в зале...) Будущее за пропашной системой».

Население между тем заваливает ЦК письмами: в магазинах нет мяса и масла. Людям кажется, что это из-за плохой организации торговли, думают, что он, Хрущев, не в курсе дела. «Это, конечно, не так... Мяса у нас просто не хватает», — заявляет он вскоре после съезда. В 1961 году планировалось получить почти 12 миллионов тонн мяса — получили меньше девяти. А ведь на 1980 год намечено 30–32 миллиона тонн! Он считает, всё считает: на работе, в поезде, в самолете, машине. «Сколько и каких культур надо посеять на 100 гектаров пашни, чтобы получить 150 центнеров мяса?.. 8 гектаров кукурузы при урожае 500 центнеров; 3 гектара сахарной свеклы при урожае 250 центнеров; 2 гектара гороха при урожае 30 центнеров; 2 гектара кормовых бобов при урожае 200 центнеров силосной массы».

Злится, обижается на Запад. Пришлось поднять цены на мясо — так там «раскаркались, как воронье: вот мол, Хрущев сам сознался, что не хватает у них мяса». А вот когда очередная сводка показала, что Советский Союз обошел США по выплавке стали (американцы как раз переключались на новые материалы), не каркнула ни одна ворона. Где же справедливость? Но ничего, оно непременно наступит — «время, когда наши противники скажут: куда же нам за ними гнаться, это же социализм, это коммунизм — естественно, что они должны идти вперед». Угадывая настроение хозяина, Первый Статистик со своим ЦСУ химичил изо всех сил. Эти хлопоты, не оставаясь тайной, только усиливали интерес в мире к положению в советской экономике. Что положение плачевное, в конце концов не могло не заметить даже ЦРУ,

опубликовавшее ф а л ь ш и в к у, в которой говорилось, что советские темпы ниже американских и составили за последние два года меньше 2,5 процента в год. «От этого нам, как говорится, ни холодно, ни жарко, — бодрится Никита Сергеевич, свое состояние приписывая им: — Неуверенность рождает страх у наших противников, а страх — плохой советчик».

Заметного улучшения не произошло и через год. Год — это, по меркам Хрущева, был не пустяк. «Год, — напоминал он, — срок большой. Это 365 дней. Это одна двадцатая часть времени, которое отпущено Программой партии для осуществления задач построения коммунизма в нашей стране».

...Страх все-таки не всегда плохой советчик. Хрущев больше ясности вносит в свои представления о кукурузе, без ложного самолюбия спешит с поправками к людям — дело важнее всего. Оказывается, у нее все-таки длинный вегетационный период, в южных районах время налива совпадает с засухами, «в таких случаях озимая пшеница, озимый ячмень, горох оказываются более урожайными. И это вполне понятно...» Теперь, в 1963 году, понятно... «В засушливых районах юга Украины и некоторых других республиках надо тщательно разобраться, что выгоднее возделывать на зерно — озимую пшеницу или кукурузу». Эх, если бы у него для опытов был все эти годы один колхоз, а не шестая часть Земли! «Некоторые могут подумать: что случилось, почему Хрущев, который так ратует за внедрение посевов кукурузы, сегодня вроде бы начинает давать отбой? Не в этом дело, товарищи. Мы и сегодня подчеркиваем, что кукуруза является могучей культурой, способной во многих зонах (когда-то говорил: во всех, включая Якутию и Чукотку. «Картофель там растет?..» • — А. С.) в благоприятных условиях давать самые высокие урожаи... Однако надо подчеркнуть, что мы не присягаем навеки какой-нибудь одной культуре, не собираемся молиться на нее... Та культура, которая в условиях определенной зоны дает наиболее высокий урожай, лучше оплачивает вложенный труд, эта культура в хозяйстве и должна быть первой культурой». Зал продолжительно, с облегчением, великодушно аплодировал. Кто старое помянет, тому глаз вон. (А помянули. Чуть меньше чем через год помянули.)

Теперь надо было как-то останавливать маховик бюрократического принуждения. Делились обкомы, исчезли райкомы, появлялись производственные управления с их инспекторами-организаторами, а маховик крутился, маховик, запущенный им самим. Недавно делился опытом с друзьями из Восточной Европы: «Мы действовали главным образом способом убеждения... Но когда интересы дела требовали, то кое-кого и понуждали...» Теперь

в интересах того же дела хмуρο зачитывал отчаянные письма с мест: «До сих пор сеем под диктовку областных и районных организаций», в который уже раз приводил случаи, когда колхозам навязывают такие площади, что засеять их приходится по месяцу и больше, в хозяйствах Котельнического района Кировской области кукурузу сеяли в конце июня. «А мы через месяц перепашем эти площади и подготовим их для сева озимых», — объяснял колхозникам начальник производственного управления, одного из тех управлений, которые, по замыслу Хрущева, должны были осуществлять прямое, квалифицированное производственное руководство сельским хозяйством.

Что он мог сказать своим слушателям? Что сулить? Уже ничего. Кроме того разве, что готовится...надцатое постановление ЦК и правительства, в котором «осуждаются администрирование и извращения принятых ранее решений о планировании сельскохозяйственного производства». Это в то самое время, когда из колхозов по его команде выгребали все зерно вместе с амбарной пылью, когда на Кубани, чтобы кормить свиней, забивали лошадей. Один из тамошних начальников рассказывал по секрету газетчикам, как пытался этого не допустить. «План спустили страшный, обязательство вырвали еще страшнее. Вижу воочию: не выполним ничего, только надорвемся. Что делать? Надо пробиваться к Никите. Звоню раз, звоню другой, дозвониться не могу, потом узнаю: такого-то числа едет в отпуск, ночью будет проезжать через мою территорию. Выход один — перехватить его на ночной дороге. И вот я на этой дороге, топчусь в темноте возле машины, жду. Часа в два ночи показались огни прожекторов, через минуту подлетают передовые машины охраны. «Кто таков?» — «Я такой-то, передайте Никите Сергеевичу просьбу о краткой беседе». — «Он отдыхает». — «Государственное дело. Передайте». Тут и его машина подоспела. Хрущев открыл дверь, высунул ноги в носках, шевелит, смотрю, ступнями на ветерке... «Ну, какого хрена тебе не спится?» — «План, — говорю, — невыполнимый нам дали, Никита Сергеевич, план...» Он еще немного пошевелил ступнями, поспел, потом закрыл дверь и поехал дальше».

